

ЛИНА  
Каро

~~Учитель~~

МАМА ДЛЯ ДОЧКИ  
ОТЦА-Одиночки

Лина Каро

**Мама для дочери отца-одиночки**

«Автор»

2026

## **Каро Л.**

Мама для дочки отца-одиночки / Л. Каро — «Автор», 2026

— Что? Тебе восемнадцать-то есть, красавица? Чем ты можешь меня заинтересовать? А если я родителям твоим сообщу, чем ты тут занимаешься, а?— Мне, между прочим, двадцать три! И я учитель вашей дочери! Первое сентября, первоклашки, с которыми я занимаюсь на продленке, и папа одной из них, который принимает меня за школьницу! Его дочь обвиняют в воровстве, а я уверена, что ее подставили, да, да, и в семь лет бывает такая вот подлость! Мне удастся ей помочь, а потом ее папа помогает мне, когда моя машина попадает в аварию, а потом— Это непрофессионально! Меня уволят! Мгновенно! У нас в школе такие вещи— Никто не узнает. Я не собираюсь этим хвастать. Это только наше дело. Только мое. И твое.— Нет— Скажи, что ты тоже меня хочешь. Скажи, что вся эта игра в правила тебя уже замучила.

© Каро Л., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 9  |
| Глава 3                           | 12 |
| Глава 4                           | 14 |
| Глава 5                           | 17 |
| Глава 6                           | 19 |
| Глава 7                           | 22 |
| Глава 8                           | 25 |
| Глава 9                           | 27 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

# Мама для дочки отца-одиночки

## Глава 1

Роман

Ненавижу школу.

Что еще может сказать бывший хулиган и возмутитель спокойствия, у которого школа отняла лучшие годы жизни?

Нет, учился я хорошо, когда у меня было желание учиться. То есть учил те предметы, которые, как я точно знал, в жизни мне пригодятся. Математика, информатика, физика, иностранный язык, ну и родной тоже, чтобы не позориться. Это меня однажды наша «классуха», которая как раз русский преподавала, поймала на том, что я сообщение в чате с ошибками написал, мол, как же ты будешь с девочками переписываться? Мне было четырнадцать, и девочки были ох как актуальны.

Сейчас мне тридцать три, и девочкам, которым я могу написать, плевать на грамотность. Лишь бы бабки платил.

А мне плевать на таких девочек.

Вообще на всех плевать, кроме одной.

Моя малышка Ульяна, мое милое солнышко, мое чудо.

Главная женщина в моей жизни. И так будет всегда.

И сегодня моя принцесса идет первый раз в первый класс, и это лютый зашквар, потому что я еле успеваю ее проводить.

У меня мегаважная встреча с китайцами, которую эти узко... ладно, отличные ребята никак не могут перенести.

А я не могу отменить Первое сентября!

Черт! И, конечно, весь город просто намертво встал в пробках!

Хорошо, что новенькая, только после реновации школа, в которую идет моя малышка, почти рядом с домом. Всего-то десять минут на машине.

Эту школу мне нахваливала няня дочери, да и отзывы я читал.

Надеюсь, мы не прогадаем.

В конце концов, всегда можно ребенка перевести, понимаю, что это стресс, но что поделывать.

В этой жизни всё стресс.

Стресс то, что мне надо на встречу, а у малышки линейка.

Ладно, приедем туда, я постою рядом пять минут, а потом свалю.

Надеюсь, это нормально?

Нет, Роман, конечно, это НЕ нормально!

Ты должен быть на линейке от звонка до звонка.

Тем более именно твоя малышка будет давать тот самый первый звонок!

Твою ж... Так, стоп, Зацепин, ты дал себе слово не ругаться.

У тебя маленькая дочь, и ты должен быть примером для нее.

Я стараюсь, очень стараюсь.

Но порой одного старания, конечно, мало.

— Папа, а где букет? Ты купил цветы?

Букет!

Черт побери... Конечно же, я забыл!

Няня дочки смотрит на меня укоризненно, головой качая.

Что? Ну что?

Что вы все от меня хотите?

Я руковожу крупной фирмой, у меня несколько больших заводов, мы производим упаковочные материалы, оборот — миллиарды рублей.

Могу я забыть купить цветы на Первое сентября?

Нет.

Не могу.

— Папочка... я же просила... розочки... беленькие... Ты забыл?

— Прости, Ульяна, я...

— Всё в порядке, я заказала, — тихо вздохнув, говорит няня, она заходит в гардеробную и возвращается с нереально красивым букетом.

Да, я помню, что Ульянка хотела именно такой.

— Спасибо, тетя Света.

Моя малышка укоризненно смотрит на меня.

Такая забавная, в красивой новой форме, в смешных колготках с кошачьими мордами на коленках, с хвостами.

Еще вчера она была совсем кроха. Я забирал ее из роддома, поражался тому, какая она маленькая, хрупкая.

Потом были бессонные ночи, первая улыбка, первое гуление, слово, шаг...

Первые стихи, которые она выучила для меня.

«Мой папа самый-самый!»

Песенки.

Картины.

Восторг, когда она впервые увидела море.

Столько всего в ее жизни было в первый раз, и всё со мной.

И вот первый раз в первый класс.

А я смогу быть только несколько минут.

Засада.

Но я не могу послать китайцев к черту.

Не могу, и всё.

До школы добираемся довольно быстро, хотя на дороге тоже затор, и машину приткнуть ожидаемо негде.

Водитель тормозит почти у самой калитки, не замечает лужу и слегка окатывает симпатичную... школьницу?

Черт, неприятно.

Эта малышка гневно смотрит на мой автомобиль, потом на свои ноги в светлых чулках, которые теперь черные.

Выхожу, разводя руками.

— Извини, принцесса, не заметили, чем могу компенсировать? Молочный коктейль для выпускницы? Или химчистка? Правда очень извиняюсь.

— Вы бы лучше посмотрели, куда едете! Здесь, вообще-то, знак, остановка запрещена!

— А мы и не останавливаемся, просто притормозили.

— Так что? Чем я могу компенсировать? Надеюсь, тебя в таком виде пустят в школу? Ругать не будут? К директору не отправят?

Пострадавшая школьница задирает нос и уходит, что-то гневно шипя.

А я...

Черт, смотрю вслед как придурок.

Фигурка у нее ладная такая.

Я понимаю, что не должен так думать.

Девчонка совсем молоденькая. Интересно, ей восемнадцать есть? Хотя сейчас в одиннадцатом классе вроде бы должно быть.

Так, стоп, Зацепин, уймись!

Еще этого не хватало!

Поворачиваюсь, вытаскивая из машины свою красивую первоклашку, держу ее на руках.

— Ну что, малышка, ты готова?

Моя куколка кивает.

— Пап, пусти меня, я уже большая. Надо мной смеяться будут!

— Хорошо, иди... большая!

Спускаю ее на землю, аккуратные черные туфельки с небольшим каблучком ступают на асфальт, а у меня сердце сжимается.

Большая!

Взрослая!

В школу идет!

Как это пережить?

В душе не чаю, но понимаю, что глаза застилает какая-то непонятная хрень.

Ты что, Зацепин, реветь надумал? Нюни распускаешь?

Соберись, тряпка!

Набираю в легкие побольше воздуха, усмехаюсь.

Нормально, поехали!

Даю знак водителю припарковаться где-то и ждать, иду вперед, за моей первоклашкой. Няня семенит сзади.

У Ульянки в руках букет, за спиной огромный ранец. Она сама, по-моему, в размер этого ранца.

— Папочка, а ты меня сфотографируешь?

— Конечно, лапуля.

— А маме фоточки отправишь?

— Ну, конечно, она очень ждет, ты же знаешь!

А про себя думаю — эта сука наверняка забыла, какой сегодня день, и ей вообще глубоко фиолетово, что ее дочь идет в школу.

Не важно. Матери у моей малышки считай, что нет.

Зато есть я.

Отец года, который должен как-то свалить с этой линейки.

— Папа, а ты со мной до конца будешь? Ты меня в класс проводишь?

— Постараюсь, моя хорошая.

Краем глаза вижу, как укоризненно качает головой няня Света.

Блин! Мне надо было сказать дочке правду, но я не смог.

Довожу ее до места, где уже толпятся вчерашние малыши, которые сегодня хотят казаться взрослыми. Мою зайку сразу обступают — у нее уже тут есть подружки и друзья, потому что я водил ее сюда на подготовительные курсы. Вернее, не я, конечно, а Света.

Няня Светлана — наш ангел-хранитель, ей пятьдесят пять, выглядит она отлично, занимается йогой и спортом — мою дочь приучает к спорту тоже. Я ей полностью доверяю, не знаю, что бы я без нее делал!

Ульянка поворачивается, словно проверяет, на месте ли я. Улыбается мне.

А я замечаю ту самую школьницу, которую окатил мой водитель.

Хороша, зараза.

Так, стоп, Зацепин, нельзя. Это рэд флаг.

В кармане нервно вибрирует телефон.

Вытаскиваю трубу, киваю Светлане, отхожу.

— Да, мистер Чан, уже еду. Пробки, сами понимаете, Первое сентября, нет, конечно, я успеваю на встречу. Мы всё подпишем сегодня, и вы сможете вылететь в Гуанчжоу. До встречи!

Смотрю на часы, открываю навигатор — кабздец! Если я не уйду сейчас...

Но как оставить мою принцессу?

— Идите уже, пока она отвлеклась... — шепчет Света, киваю ей и...

Встречаюсь взглядом с той самой блондиночкой, которая, кажется, понимает, что я сбегаю с линейки, смотрит явно осуждающе.

Ну, блин, кто-то должен зарабатывать миллионы!

Посылаю своей малышке мысленно миллион поцелуев и сбегаю, скрипя зубами.

Сбегаю, чтобы всё равно опоздать на полчаса, получить от мистера Чана порцию недовольства и требование скидки. Мне приходится пойти на уступки, хотя по итогу размер скидки я сумел скорректировать.

Мы сидим хрен знает до скольких.

Понимаю, что забрать малышку из школы я, конечно, уже не смогу, хотя сегодня у них какой-то длинный день. Они не просто начинают уроки, они знакомятся друг с другом, знакомятся с тем зданием, где будут учиться, и еще у них будет группа продленного дня, на которую мы решили пока Ульяну водить, это рекомендовал психолог, чтобы адаптация прошла быстрее.

А может, и успею?

Прошу водителя постараться, едем быстро. Тормозим так же лихо у калитки, выпрыгиваю, понимая, что снова чуть не облил ту юную красавицу.

— Опять вы? Кстати, хотела с вами поговорить.

— Насчет компенсации за испачканные вещи?

— Нет, о другом.

— Интересно, о чем же? — Почему-то становится не по себе.

— Да вот думала, чем вы можете мне помочь. Как вас заинтересовать.

— Что? — А вот это, по-моему, просто зашквар. — Тебе восемнадцать-то есть, красавица? Чем ты можешь меня заинтересовать? А если я родителям твоим сообщу, чем ты тут занимаешься, а?

— Мне, между прочим, двадцать три! И я учитель вашей дочери!

— Что?

## Глава 2

Майя

Задираю подбородок и голову, потому что этот Роман Зацепин очень высокий.

Высокий, симпатичный и жутко наглый.

Конечно же! Он ведь миллионер и плейбой!

По крайней мере, такую информацию я о нем нашла.

Нет, я не искала специально.

Почти.

Искала сегодня, когда его малышка расплакалась на линейке, поняв, что ее папочка тупо сбежал!

Как так можно относиться к собственному ребенку?

И сейчас он так смотрит на меня.

— Учитель? Ты? То есть...

— Учитель. Я. На «вы», пожалуйста. Меня зовут Майя Михайловна.

— Майя... Михайловна...

Вижу в его глазах недоумение, но я привыкла.

Да, меня не первый раз принимают за школьницу.

Хотя я и прическу стараюсь делать такую, чтобы выглядеть старше, и одеваюсь строго, и даже очки нацепила!

И всё равно для многих родителей я просто девчонка, с которой не стоит считаться!

Вот и этот мужлан так на меня смотрит, что я моментально заливаюсь краской.

— И что же вам нужно, Майя Михайловна? — он выгибает бровь, а мои ноги становятся предательски ватными.

Так, стоп, Майя, так нельзя!

Ты не должна смотреть на этого мужчину как на мужчину! Он... он...

Не мужчина!

Он отец твоей ученицы.

И всё.

Это... Это... Это рэд флаг!

Откашливаюсь, стараясь придать своему лицу строгость.

— Лично мне не нужно ничего. Нужно классу и вашей дочери.

— Классу? — он нахально усмехается. — Неужели надо на шторы сдать? Или компьютеры закупить? Тут вроде реновация была? Всё новое? Разве нет?

— Да, новое. И шторы, слава богу, у нас есть. И компьютеры тоже. Нужно другое. Я занимаюсь с детьми в группе продленного дня. И мне нужно не просто организовать им досуг, я должна придумать что-то интересное и познавательное. Поэтому я прошу каждого родителя по возможности прийти на урок, чтобы рассказать о своей профессии.

— О профессии? — он хмурится.

— Именно. Вот вы кто?

— Я? Миллионер. — И снова эта бровь!

Подумаешь, миллионер!

— Жаль, — отвечаю, стараясь, чтобы мой голос звучал скептически. Нет, я с ним не флиртую, боже упаси! Это для меня тоже табу и рэд флаг — флиртовать с отцами учеников. Но мне хочется проучить зазнайку.

— В смысле? — недоуменно вопрошает он.

«В коромысле», — так и хочется ответить мне!

— Ничего интересного, простите, — снова с разочарованием произношу. — Дело в том, что почти у всех одноклассников вашей дочери отцы — очень богатые люди. Если все будут рассказывать о своих миллионах, дети просто умрут со скуки.

— Что?

— Ну, вот так. Детей не интересуют деньги.

— Вы уверены?

— Да.

— Но это неправильно. Они должны уже сейчас учиться понимать, как важны деньги.

— Я вас огорчу, но сейчас для них важнее понимать другое.

— И что же?

— Вы хотите знать, что важнее денег?

— Допустим.

— Дружба. Взаимовыручка. Помощь близким. Любовь.

— Любовь?

Он прищуривается, и, кажется, лицо его становится более жестким.

— И что вы знаете о любви?

— Я? — А вот этот вопрос меня застает врасплох. — Это неважно, что знаю я. Важно, что будут знать они.

— Если вы не знаете, чему можете научить? Вы были влюблены? Вы замужем? У вас есть молодой человек?

— При чем тут это?

— При том, — он снова ухмыляется, — всё ясно. Одинокая девица, которой не хватает...

— Что? Да как вы...

— Вы ничего не знаете о любви, а туда же!

— А вы? Вы знаете? Вы сбежали с первого звонка своей единственной дочери! А ее мать вообще не пришла.

— У Ульяны нет матери.

— Что? Боже, простите... — Меня лавиной окатывает жар, дико стыдно становится.

— Вернее, она есть. Где-то. На Ульянку ей плевать.

И снова волна по телу, волна гнева.

— А вам? Вам не плевать?

— Мне нет. Дочь — самое важное, что у меня есть в жизни, и если кто-то ее обидит...

— Пока ее обижаете только вы. Своим невниманием. Безответственностью. Она плакала! Нам с няней еле удалось ее успокоить. И то няня сказала, что вы смотрите весь праздник в записи, который идет со специальных камер, которые вы установили в школе. Ваша Ульянка весь день общалась со школьными камерами!

Вижу, что он челюсти сжимает. Ага, получил?

Будет знать, как пытаться меня подловить!

— Я механик.

— Что?

— Механик-любитель, обожаю копаться в машинах, и у меня в гараже парк старых авто. Если хотите, могу прийти и рассказать об этом. Еще я яхтсмен, ходил под парусом по Атлантике, Средиземному морю, плавал в Персидском заливе, это тоже интересно.

— Да, интересно. Это очень интересно. Если вы придете и об этом расскажете, будет очень хорошо.

— Я бы с удовольствием, вопрос — когда?

— Это не срочно. И мы выберем удобный для вас день. Только, пожалуйста, не опаздывать и не срывать мероприятие.

— Буду стараться. Что-то еще?

— Пока это всё, но... мне еще нужен ваш телефон. — Почему-то мучительно краснею, словно телефон мне нужен для личных, а не общественных целей. — Не подумайте ничего такого. Я собираю все телефоны родителей. Няни, домработницы, водители — это, конечно, важно. Но они часто не могут решить те проблемы, которые у меня возникают.

— Ну, кому-кому, а вам я свой номер оставлю с удовольствием.

Этот гад ухмыляется нахально и подмигивает мне.

— Это не для личного пользования, Роман Олегович.

— А жаль, да?

Что? Он реально это сказал?

Задираю подбородок, фыркаю и заставляю его продиктовать номер.

— Наберите меня, Майя Михайловна, чтобы и я ваш запомнил.

— Мой номер записан в дневнике вашей дочери. Я надеюсь, что вы не станете звонить зря, у меня очень ревнивый жених. — Не знаю, зачем вру про жениха, ну и наплевать. — Всего хорошего.

— Вас подвезти?

— Не стоит, я за рулем.

Иду к своей машине, стараясь, чтобы походка выглядела красивой, в результате так увлекаюсь, что спотыкаюсь и чуть не падаю в лужу.

Подхожу к своему крохотному старенькому «Ниссану», чувствую, как взгляд отца моей ученицы прожигает спину.

Да, у меня старая машина! Зато я сама на нее заработала, а не...

Его «Гелендваген» проезжает мимо, тормозит, к счастью, не облив меня.

— Было очень приятно познакомиться, Майя Михайловна. Надеюсь, скоро вы мне позвоните.

Не надейтесь, хочется сказать, но я молча сажусь на руль, а потом показываю язык зеркалу заднего вида.

Вот же наглый плейбой!

Звонить я ему буду!

Да уж...

Звонить приходится, и очень скоро. И по очень неприятному поводу.

## Глава 3

Первая неделя в школе обычно насыщенная. И хотя я работаю совсем недавно, всего-то второй год, но уже успела это понять.

Дети привыкают. Родители привыкают. Да и мы, педагоги, тоже привыкаем.

К новой малышне.

К новым мамочкам.

Они все такие суетные, особенно те, у кого «первый раз в первый класс». Мамы вторых детей обычно постарше, поспокойнее, уже всё знают. Пытаются сами урезонить тех родителей, у которых в первый класс отправилось первое и единственное дитя.

У нас, у продленки, нагрузка тоже большая.

Детки еще не привыкли к школе. Они помнят детский сад. Игровые, прогулки, да и спальни, хотя спать в саду мало кто любил.

В школе вроде всё то же самое, только спален нет. И игровые всё равно мы устраиваем в классах.

Наша учительница Ангелина Степановна опытная. Ей как-то сразу удастся почти всех детей расположить к себе.

Почти — это я о нескольких, которым очень трудно.

Как ни странно, среди них дочь этого мачо, который первого сентября принял меня за школьницу.

Мне приятно, конечно, но нет.

Сколько времени я бьюсь с тем, что во мне никак не могут увидеть учителя!

Стараюсь быть строже, чем я есть.

Особенно с родителями.

С детьми мне проще.

Они маленькие.

Я по-любому для них большая, взрослая.

А вот мамочки некоторые...

Смотрят свысока. И на всё один ответ — своих роди сначала!

Как будто только роды дают какое-то сакральное знание о детках и их психологии!

Пытаешься с ними нормально разговаривать, объясняешь — с детьми так нельзя! Но на всё один ответ — своих роди сначала, потом будешь меня учить.

Эх, да я бы родила!

Было бы от кого.

В институте я встречалась с парнем. Он учился у нас, будущий учитель физики.

Нет, я, конечно, подозревала, что все физики немного того, но чтобы так.

Дебил. Мы расстались. Были какие-то кратковременные встречи — ничего серьезного. Я решила посвятить себя учебе. Пока.

А личная жизнь...

Откуда у учителя личная жизнь?

Даже если я просто на продленке?

За всеми проследи, подготовь игры, мероприятия какие-то. Потом, иногда надо и тетради проверить. Конечно, первоклашки пока «домашку» не делают, но всё-таки. Прописи — очень важное дело. Пусть сейчас на них стали совсем мало времени давать в классе, мы на продленке стараемся это упущение восполнить.

В общем, домой я приезжаю поздно и никакая. Только книжку почитать, сериальчик посмотреть и спать.

Ну и помечтать.

Например, о таком красавчике, как папа Ульяны Зацепиной!

Ох, Ульяна!

Девочка — лидер. Очень хваткая, умненькая. Но проблемы с общением у нее уже возникли. Я вижу, что к ней нужен особенный подход.

Я стараюсь.

Но иногда ситуация выходит из-под контроля.

Например, сегодня, когда Марина Соколова обвинила Ульяну в том, что та украла ее блокнот!

— Я ничего не брала! — насупившись, сказала Ульяна.

— Брала, брала! Посмотрите у нее в портфеле! Мой блокнот там.

Мне совсем не хотелось копаться в чужих вещах. Но что делать?

Моя напарница, учитель со стажем Оксана Сергеевна пожала плечами, мол, действуй как знаешь. Не собиралась мне помогать.

— Ульян, если ты точно не брала, может, просто достанешь свои вещи, и мы посмотрим?

Ульяна еще больше брови сдвинула, обиделась, вижу, в глазах слезы.

— Ты не брала?

— Не брала!

— Она не брала!

Заявляю, потом отвлекаю детей, одеваемся на прогулку.

Пока Оксана их выводит, я бегу к столу Ульяны, заглядываю в портфель.

Черт! Блокнот там.

Это значит, у нас появилась проблема.

И как сообщить об этом папаше?

Собираюсь с духом и пишу сообщение.

Пытаюсь объяснить, в чем проблема.

Мое сообщение висит непрочитанным до ночи!

Интересно!

И что он себе возомнил, папаша?

Блокнот из портфеля Ульяны я вытащила, положила на парту Марине. Та увидела, но не особенно обрадовалась, губки поджала и Ульяне язык показала.

Но родитель должен как-то отреагировать?

Пишу еще раз.

Прочитано.

Звонок.

Я в шоке смотрю на часы. Половина двенадцатого!

Ох... ну ведь и я ему поздно написала?

— Алло?

— Ну, привет, красавица, что ты там натворила?

Что? Я?

## Глава 4

— Алло? Что молчишь, детка?

— Вы... вы понимаете сейчас, с кем говорите?

— Я? — Он явно смотрит на телефон, чтобы увидеть номер абонента. — Я прекрасно понимаю: с хорошенькой куколкой, которая работает в школе. Учитель — самая горячая фантазия.

— Вы... вы пьяный?

— Я? Ты что, куколка, обалдела? Я никогда не пьянею.

— Ясно!

Отвечаю и бросаю трубку. И на всякий случай отключаю телефон.

А потом падаю на кровать и закрываю лицо руками.

«Учитель — самая горячая фантазия» — он серьезно?

Какой ужас.

И какой позор!

И главное, что будет, если об этом звонке узнают?

Так, притормози-ка, Майя. Кто узнает? Ты же никому не расскажешь?

Язык прикусила и рот на замке!

Вот так!

А он... если он расскажет?

Кому?

Понимаю, что у этого Зацепина могут быть друзья в педагогическом совете.

Ведь не просто так богатей отдал свою дочь в нашу школу?

Да, вроде я читала, что он сам тут учился. Но не из-за ностальгии же малышку таскать? Живут они, как я поняла, не в соседних домах, а в коттеджном поселке.

На самом деле многие дети в школе оттуда.

Наше учебное заведение старое, с историей, с хорошим рейтингом среди школ города.

Поэтому я горжусь, что работаю тут.

И потерять работу из-за пьяного папаши я не готова.

Значит, буду всё отрицать!

Хватаю телефон и удаляю свои сообщения.

От греха.

А утром... утром получаю знак вопроса!

Просто знак вопроса от него!

И что это значит?

Удаляю переписку и на всякий пожарный случай отправляю номер в блок.

Фух...

Надеюсь, пронесет.

Но как быть с проблемой его дочери?

Если она реально украла блокнот?

Значит, она не остановится!

Я решаю взять эту ситуацию под контроль, пока сама.

Раз уж мистер Зацепин так отреагировал.

Еще через день ко мне подбегают Алина и Марина.

Та же проблема. Ульяна что-то украла!

Тут уже моя напарница Оксана Сергеевна выходит на первый план.

— Что произошло?

— Ульяна ворует, — строго заявляет Марина.

— Она наши вещи берет, — кивает Алина.

Вот же...

— Ворует? Как так? Вы понимаете, что это серьезно? — Оксана строго смотрит на девочку, потом на меня.

Ульяны рядом нет, она в углу играет с мальчишками.

— Понимаем!

— Понимаем!

Как две мартышки, одинаково кивают первоклашки. И у кого научились?

— А вы посмотрите у нее!

— В портфеле!

Заявляют и показывают пальцем на вещи Ульяны.

— В прошлый раз мой блокнот точно был там!

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю уже я.

— Потому что я видела! — прищуривается Алина. — Видела, как она взяла и положила.

А потом...

— Что потом? — снова встречается Оксана Сергеевна.

— Потом кто-то блокнотик из ее рюкзака достал и положил на мой стол. — Алина поднимает бровки, смотрит на меня, а я неумолимо краснею. Откуда она знает? Видела? Видеть она не могла... Вот же...

Хмыкаю. Но молчу как партизан.

Оксана смотрит на девочек, потом на меня.

— Так, дело ясное, что дело темное. А ну-ка, давайте, зовите сюда Ульяну.

Девчонки корчат рожицы, нехотя идут туда, где малышка играет.

Она смотрит на них недоуменно, хмурится. Потом смотрит на меня и, кажется, всё понимает.

Черт. Неужели она на самом деле ворует? Это очень плохо.

И плохо то, что я не связалась нормально с ее отцом.

Ульяну как под конвоем ведут к нам.

Алина и Марина гордо подбородки задирают. Парни тоже решают проявить любопытство. Все тянутся к учительскому столу.

— Ульяна, принеси свой рюкзак.

— Я ничего чужого не брала.

— Принеси, пожалуйста. Тебя никто ни в чем не обвиняет.

«Пока», — про себя думаю я. А если сейчас вещи девочек окажутся внутри — это всё.

Позор.

Дети обычно любят прихватить что-то чужое, это бывает. Они в этом возрасте еще не всегда понимают ни ценность вещей, ни то, что за воровство можно получить не просто наказание, а как будто черную метку. Клеймо.

Клеймо воришки, от которого так просто не отмыться.

Я помню, у меня в детстве была такая неприятная история.

Мне было лет шесть, я только собиралась в первый класс. Мы переехали в новый дом и познакомилась с соседями. У них тоже была дочь. Анечка, на пять лет меня старше. Красивая девочка, у которой было много кукол и вообще всяких интересных вещей — наклейки, блокнотики, открытки, ручки, жвачки, какие-то кукольные вещи. У меня всего этого было мало, мне не покупали, мама потом говорила, что я и не просила особенно, меня не столько куклы увлекали, сколько чтение.

Но, увидев всё это богатство у Анечки, я почему-то решила, что мне этого не хватает. Взяла и втихушку попрятала по карманам чужое богатство. Дома всё выгребла, разложила, довольная. Без всякой задней мысли! А через пару часов пришла мама Анечки, тетя Лида. Как

же мне было стыдно, когда всё нашли! Хорошо, что тетя Лида работала школьным психологом, а моя мама — педагогом!

Они быстро разобрались, что ничего такого страшного не случилось, мне просто надо всё объяснить и я пойму. Больше я в жизни не брала чужого. Урок на всю жизнь запомнила.

Но мое преступление было раскрыто в присутствии двух взрослых.

А что будет, если Ульяну разоблачат при всех одноклассниках?

Так нельзя!

— Подождите минуту! — заявляю я и забираю рюкзак Ульяны. — Подождите.

## Глава 5

— В чем дело, Майя Михайловна? — удивленно смотрит коллега, а я так же удивленно смотрю на нее.

Неужели она не понимает?

— Мы не можем вот так устраивать обыск в вещах. Как минимум не при детях. Ребята, выйдите в коридор пока. Давайте-давайте!

Парни нехотя выходят.

— Она воровка, а вы ее покрываете! — неожиданно выдает Алина.

— Ты как разговариваешь с учителем? — тут же осаживает ее Оксана, понимая, что ребенку нельзя позволять так общаться со взрослыми.

— Она вчера ей помогла! Ворованную вещь вытащила. Это нечестно!

— Откуда ты знаешь, что вещь была в сумке у Ульяны? — решаю начать с нападения я, — Может, ты сама туда ее положила? А вы знаете, что в классе есть камеры?

— Что? Какие камеры? — испуганно спрашивает вторая девочка. — Я ничего не делала! Это всё она!

Теперь Марина обвиняет Алину. Как быстро всё перевернулось.

Алина быстро моргает, глаза на мокром месте.

— Это не я! Это Ульяна — воровка! Воровка!

Неожиданно она толкает Ульяну, да так сильно, что та падает! Я едва успеваю ее ухватить, чуть смягчив удар.

Алина выбегает из класса в слезах. У Марины тоже глаза на мокром месте. Я усаживаю Ульянку на стул.

— Сильно ушиблась?

Та головой качает, но подбородочек дрожит.

— Какой-то ужас! Все дети из приличных семей, — причитает Оксана Сергеевна. — Марина, расскажи, в чем дело!

— Алине не нравится Ульяна. Она говорит всем, что она плохая.

— Почему не нравится?

— Потому. У нее мамы нет. А Алина говорит, что у всех нормальных детей есть мама!

— У меня есть, есть! Просто она уехала! — теперь рыдать начинает уже Ульяна, захлебывается, лицо закрывая.

Оксана глаза закатывает.

— Не было печали. А с воровством-то что?

Марина мнетя.

— Алина сказала, что воровку из класса точно выгонят.

— Значит Алина подсунула вещи в рюкзак Ульяны?

Марина кивает насупившись.

— Ты же понимаешь, что тебе будет за то, что ты с ней заодно? — строго выговаривает моя коллега, а мне хочется глаза закатить — кто так делает? Ведь педагог со стажем! И такое незнание детской психологии! Даже минимальный навык отсутствует!

— Оксана Сергеевна, давайте не будем давить на девочку сейчас? Она сама во всем созналась. Так что... успокойся, Марина, тебе ничего не будет.

— То есть как? — Оксана гневно на меня смотрит. — Они решили подставить одноклассницу, и им ничего не будет?

— Давайте без детей обсудим? Позже!

Пытаюсь намекнуть, но она как слон в посудной лавке.

— Нет уж, родителям точно надо сообщить, что это такое!

Марина ревет, Ульяна ревет...

В кабинет заходит классный руководитель девочек, педагог с большим стажем, с большой буквы.

Я выдыхаю, надеюсь, она всё разрулит.

Действительно, Ангелина Степановна выслушивает Оксану и тут же отправляет ее к остальным детям, которые остались без присмотра.

Потом задает вопрос мне. Так, чтобы ни Ульяна, ни Марина не слышали. Я объясняю, рассказываю как есть.

— Понятно, хорошо, спасибо тебе, Майя...

— Надо всё равно поговорить с родителями Ульяны, и Марины тоже.

— Марининых я беру на себя, маму ее знаю хорошо, она у меня когда-то училась. А с Ульяниными свяжись ты, хорошо?

Вспоминаю папу Ульяны, и щеки сами собой загораются краской.

— Но... что мне сказать? Ульяна же не виновата, что с ней вот так...

— Не виновата, да. Но, возможно, понадобится общение с детским психологом, родители у нас должны были подписать согласие, но в любом случае лучше проинформировать.

Да уж, только вот я уже пыталась... информировать.

Ладно, что-нибудь придумаю.

Рабочий день заканчивается.

Детей забирают родители.

За Ульяной приезжает водитель.

Понимаю, что ему что-либо говорить бессмысленно, и снова набираю номер отца.

— Ну, привет, красавица. Сначала в блок меня кидаешь, потом сама звонишь? В чем дело?

— Я вам не красавица, меня зовут Майя Михайловна. Я педагог. И звоню я по поводу вашей дочери. У нее проблемы.

— Проблемы? Какие еще проблемы?

Он говорит это таким тоном, что мне страшно.

И скоро я понимаю, что боялась не зря.

## Глава 6

Роман

Нет, вот же... гаденыш! И дочку свою такой же воспитал!

Еду к школе, просто полыхая от ярости.

Когда няня мне сказала, что у Ульянки в школе какие-то проблемы, я сначала не особо придал значение.

Все мысли были с китайцами, которые просто постоянно сношали мой мозг.

Как мне хотелось отказаться от этой сделки! Но миллионов было жалко.

Даже, скорее, миллиардов.

Ничего. Я потерплю. Не хочу терять бабло и статус.

Немного еще помучаюсь, зато, глядишь, через пару лет попаду в «Форбс» уже не как «начинашка-первоклашка», а как полноценный бизнесмен, олигарх. Основатель собственного дела.

В общем, папаша я оказываюсь никудышный.

Потому что еще через день буквально снова звонит эта крошка учительница — эротическая мечта любого половозрелого мужика.

Самая популярная фантазия. Учителка!

То, что она рассказывает, меня просто выносит.

Слов нормальных нет. Одна обценная лексика.

Но я от нее избавился. Считаю, что при ребенке даже думать такими словами нельзя, не то что произносить.

Но тут не получается не думать.

Значит, Алина Соколова! А папаша ее — Генка Соколов, мой бывший приятель. Разошлись наши пути-дороженьки, когда я его в бизнес взял, а он проворовался. Думал, я такой лох и не замечу!

А я не лох и заметил. Не засудил его тогда только потому, что у него как раз дочь родилась. Как и у меня. Пожалел.

А он, значит, такую мелкую дрянь вырастил, которая мою Ульянку решила буллить?

Хорошо, что мне малышка эта позвонила. Училка.

Надо будет ее отблагодарить как-то.

Подъезжаю к школе. Торможу. Сегодня сам за рулем.

Выхожу, оглядываюсь.

Ну, где ты, уродец, покажись! Знаю же, что притащится за дочкой! Мой водила его тут несколько раз видел. Ездит на убитом в хлам «логане», хозяин, блин, жизни!

Подъезжающую к школе развалюху узнаю сразу. Даю ему возможность припарковаться, выйти.

Он один. Идет к воротам школы. Наглый, разжирел, морда сытая.

— Геннадий? Какими судьбами?

Резко тормозит, оглядывается.

— О... Роман.

— Кому Роман, а кому Роман Олегович. Ты скажи, Генацвале, какого хрена твоя дочь трогает мою?

— Что?

— То!

Бесит, и говорить с ним я не намерен.

Сразу кулак в живот, потом апперкот, и вот Геночка уже стонет на земле, а я над ним склоняюсь.

— Упал? Что ж ты такой неуклюжий! Значит, слушай сюда, тварь, дочку свою переводи в другую школу. Чтобы я тебя тут больше не видел, ясно? И не смей никуда обращаться, потому что...

— Что вы делаете? Вы с ума сошли?

Твою ж тригонометрию!

Малышка! Тебя тут только не хватало!

— Это просто беспредел! Вы что творите, господин Зацепин? Тут школа, тут дети! А вы драку устроили!

— Кто устроил драку? — притворно удивляюсь. — Я? Я просто старого друга встретил, одноклассника, Генку. Гендос, скажи?

Мерзкая туша что-то шипит.

— Вот, слышите? А так у нас всё отлично, Майя... Михайловна... Пчелка вы наша.

— Прекратите, как вы...

Ее взгляд кипит праведным гневом, а я думаю о том, как она хороша. Таковую бы взять, поднять под себя и... не отпускать всю ночь. Оглядываю ее слишком откровенным взглядом, чуть не облизываясь. Она тут же краснеет как маков цвет.

— Прекратите... — говорит уже тише.

— Зацепин? Соколов? Вы ли это?

— Ангелина Степановна! Здравствуйте!

— Опять буянят оба. И вам не стыдно? Сколько лет прошло, а вы всё не меняетесь, ай-ай-ай!

— Ангелина Степановна, обижаете, зачем нам меняться?

Улыбаюсь, увидев свою любимую первую учительницу.

Да, как бы я ни ненавидел школу, но нашего Ангела Степановича — обожаю.

Это потом у меня начались траблы, а вот когда я учился у нее...

Да и потом она в старшую школу приходила. Воспитывала меня, дурака. И защищала! Реально приходила меня на педсоветах защищать. Ссорилась, спорила. Получается, теперь она классная у моей Ульяны?

Тут же хочется себе по лбу настучать. Потому что я об этом и не знал!

И это я! Отец, который всегда столько сил вкладывал в дочь, старался быть в курсе ее дел.

— Ну что, папаши непутевые? Пойдемте в класс, поговорим.

Геннадий откашливается.

— Ангелин Степанна, я не могу, у меня работа, меня начальник убьет. Харакури сделает!

— Не харакури, а харакири, умник, — усмехаясь, говорю я. — Ангелина Степановна, пусть едет. А я вот с удовольствием с вами поговорю.

Отталкиваю жирную тушу Геннадия, который тут же как-то тупо расшаркивается и валит к своей машине, у которой уже стоит его мелкая.

А моя где?

Вижу, как Ульянка несется ко мне. Счастливая! Улыбка до ушей.

— Папа! Папочка!

Обнимаю ее, поднимаю на руки.

Вижу, как косится на меня пчелка Майя.

А вот Ангелина улыбается одобрительно.

— Пойдемте в класс, мои хорошие, есть о чем поговорить. Майюшка, ты пока возьмешь Ульянку?

— Да, конечно, мы погуляем вместе со всеми.

Эх, жаль, что строгая крошка не с нами.

Оглядываюсь по дороге к школе и чувствую, как меня за руку дергают.

— Даже не думай, Зацепин! Девочку мне не порть!

— Ангелина Степановна, да я и не думал!

— Вот и не думай!

Эх, ну чего не сделаешь для любимой учительницы! Думать не буду.

Буду... действовать!

## Глава 7

Нет, какой наглец!

Нахал!

Господи, как же я жалею, что позвонила ему!

Я просто хотела как лучше. Хотела помочь его дочери. Помочь адаптироваться. Обратит его внимание на то, что у нее есть проблемы с коммуникацией. Девочки же не просто так решили ее обвинить? Значит, что-то есть?

А он...

Приехать и избить папу ученицы!

Просто вопиющее поведение!

Что теперь будет?

Выдыхаю, когда понимаю, что он знает нашу Ангелину Степановну.

И папа Алины, как оказалось, тоже.

Получается... они одноклассники?

Подхожу с Ульянкой к площадке, где мы с Оксаной Сергеевной выгуливаем продленку.

— Да уж, Сахарова, натворила ты дел, — шипит коллега, оглядывая меня.

— В смысле?

— В коромысле.

— Оксана Сергеевна, а кто вам позволил так со мной разговаривать?

— Ой, ой... Ты решила, раз этот богатенький Буратино на тебя запал, так всё можно?

— Что? Как вы... Как вы можете так говорить, я...

— Девчонку его, воровку, выгораживаешь, и ему названиваешь, жалуешься. Всё ясно.

— Ульяна не воровка! Алина Соколова сама призналась, что вещи подложила!

— Она призналась под твоим давлением! Ты ее вынудила так сказать! Если что-то у кого-то еще пропадет, то... я знаю, где искать!

— Что вы такое говорите?

— Ты всё слышала. Да уж... Ушлая какая молодежь пошла! В наше время мы вообще старались не контактировать с родителями. Тем более с одинокими папашками. А эта, ишь, сразу подсуетилась!

— Что вы такое говорите! Где я подсуетилась? Я позвонила отцу Ульяны потому, что ей нужна помощь!

— Вот он и помог! Избил другого родителя на глазах у детей. Прекрасно. Браво. И что он тебе за это пообещал? Или ты ему?

— Вам нравится говорить гадости?

— А тебе нравится шашни крутить на рабочем месте? Смотри, ты тут человек новый, а у нас в коллективе подобное не приветствуется.

— Я... да я...

— Я — последняя буква в алфавите. Семёнов! Семёнов, ты куда полез? А ну, давай обратно!

Оксана отходит, а я краснею как рак. Мне стыдно.

Не перед ней. Перед собой.

Я себя не смогла защитить! Я позволила этой... этой... своей коллеге отчитать себя так, словно я ребенок! Еще и несправедливо!

Никакие шашни я не крутила!

И откуда она взяла, что отец Зацепиной на меня запал?

— Майя Михайловна, а почему вы грустная? — тихий голосок Ульяны меня выводит из ступора, улыбаюсь ей, и тут же снова ловлю презрительный взгляд Оксаны.

— Что ты, малышка, я не грустная, всё хорошо.

— Хорошо. А я хотела вас в гости позвать. Можно?

— В гости?

Вижу, что Оксана вся напряглась, прямо ушки на макушке!

— Да, в гости. У меня дома очень красиво. Большая детская площадка на улице, а дома есть бассейн и сауна, я люблю с папой греться. А еще у нас есть огромный аквариум. И коллекция моделей разных корабликов, папа сам собирает. И в гараже коллекция машин. Папа вас покатает, если вы захотите.

Покатает. Папа. Снова краснею, услышав эти слова.

И слышу недовольное хмыканье коллеги.

— Спасибо большое за приглашение! Я с удовольствием воспользуюсь им, договоримся! Нарочно говорю громко.

Посещать учеников дома не возбраняется! И даже приветствуется, особенно если ученики из неполных семей. Это я скажу Оксане, если начнет умничать!

Ульянка обнимает меня, отбегает играть. Я вижу, что она больше сдружилась с мальчиками, чем с девочками. Девчонки на нее как-то неодобрительно косятся. Но тут уж я ничего не поделаю.

— Ульяна, дочка! Поехали домой!

Сердце резко скачет, когда я слышу его голос. Сама чуть не подпрыгиваю. Надо же... и почему он так на меня действует? Ужас.

Это... неправильно.

Надо взять себя в руки.

— Папа! Папочка!

— Моя принцесса!

Смотрю, как трогательно он ее обнимает, как улыбается, лицо его светится.

Подумать только! Приехал, чтобы накостылять папашке, который его дочь обидел, надо же! Молодец.

Думаю так и снова краснею.

— Папа! А я Майю Михайловну пригласила в гости. Можно? Она согласилась. Ты же разрешишь? Я ей рассказала про бассейн, ей же можно там поплавать? И твои коллекции посмотреть? Можно? Можно?

— Почему же нельзя? — усмехается он, нагло на меня глядя. — Конечно можно, я буду только рад. Майя Михайловна, как раз хотел отблагодарить вас за своевременный звонок и сигнал.

— Это моя работа. И благодарность — лишнее.

Я прямо чувствую, как Оксана прожигает меня взглядом!

— Я думаю, — Зацепин понижает голос, прищуривается. — Мы созвонимся и договоримся обо всём, хорошо?

А потом он делает вообще чудовищную вещь!

Берет меня за руку и подносит мою ладонь к губам!

А я не могу ее забрать, вырвать, это как-то неправильно!

— Всего хорошего, Майя Михайловна, — говорит он всё тем же бархатным баритоном, — Увидимся.

И уходит, забирая Ульянку.

— Да, Сахарова, далеко пойдешь, с такими способностями! — усмехается явно раздраженная Оксана Сергеевна. — Жаль, что в нашем коллективе явно не задержишься! Тут таких выскочек не любят!

Игнорирую ее, хотя внутри всё горит.

Я не терпила.

Постоять за себя могу.

Но сейчас...

Отворачиваюсь и иду к оставшимся детям, предлагаю поиграть в слова.

Минут пятнадцать занимаюсь с ними, потом чувствую вибрацию телефона.

«Что, если ты приедешь к нам завтра? И бери купальник, у нас бассейн и джакузи, еще есть русская парная. Я бы отходил тебя веничком».

Что?

## Глава 8

Черт возьми, ну и денек. Только отбился от этих азиатов с их вечными «Роман-сан, мы вас уважаем, но цена не хороший», как влетаю в новые разборки.

Получил нагоняй от Ангелины Степановны, зато этого гаденыша, Генку, на место поставил.

Уже дома меня накрывает. Без конца думаю о той крошке-учительнице. Она и вправду врезалась в мой мозг, как заноза.

Надо бы как-то отблагодарить, раз уж помогла Ульяке. Банальный конверт с деньгами — мимо, испортит всё впечатление. Цветы? Слишком просто для такой диковинки.

Смотрю на дочь, которая играет в телефоне.

— Ульянка, а Майя Михайловна тебе нравится?

Дочь сразу отрывается от экрана, светится вся.

— Очень! Она самая добрая. И красивая. Я бы хотела такую...

Она замолкает, уткнувшись в телефон, будто сразу что-то осознав или испугавшись своих слов. Я смотрю на нее, и мысль, острая и простая, бьет точно в цель. А ведь и правда. Почему бы и нет?

Щелкаю по клавишам телефона, усмехаюсь. Чем черт не шутит!

«Что, если ты приедешь к нам завтра? И бери купальник, у нас бассейн и джакузи, еще есть русская парная. Я бы отходил тебя веничком».

Жду ответа, представляю, как она покраснеет. Но приходит не то, что ожидал.

«Вы с ума сошли?! Меня из-за вас уволят! Это непрофессионально! И вообще, как вы можете такое писать?!»

Черт. Перегнул палку. Надо сбавить обороты.

«Простите. Искренне. Я болван. Вы мне помогли, я на самом деле хочу с вами встретиться. По-человечески. Можно вас куда-то пригласить? Например, в нормальное кафе? Как взрослые люди».

Отправляю. Ответа жду с нетерпением, не выпуская телефон из рук.

«Нет. Это не приветствуется правилами. Извините. И, пожалуйста, не пишите мне больше».

Вот же упрямая пчелка! Но сдаваться не в моих правилах. Есть у меня один козырь...

«А как же насчет гостей? Ульяна будет очень переживать, если вы не придете. Вы же ей обещали, Майя. Она вас ждет».

«С Ульяной я сама вопрос решу. Объясню. Прощайте».

Откладываю телефон. Черт. Обломила по полной. Но интересно же. Очень.

Она меня еще больше своим отказом раздракнула!

Она еще не знает, что просто так отступать — не в моих правилах. Нужно раздобыть ее адрес. Отправить хотя бы букет цветов. Листаю контакты. Есть один приятель, решает такие вопросы быстро и без лишних слов. Набираю.

— Слушай, мне нужен адрес. Майя Сахарова, учительница в школе №...

Не успеваю закончить вызов, как телефон снова заливисто звонит. Смотрю на экран — морщусь. Опять бывшая. Беру трубку, уже готовый рвать и метать.

— Чего надо? Денег? Опять?

— А что, нельзя? — в трубке противный, слащавый голос. — Ты почему мне не перевел? Я же просила. Срочно нужно.

— У меня, дорогая, не дыра в полу, а бизнес. Деньги просто так не печатают. Особенно для тебя.

— Ах так? — голос мгновенно теряет слащавость, становится злым и шипящим. — Ну смотри же, Роман Олегович. Отберу у тебя ребенка. Ты же знаешь, я могу это сделать. У меня друзья есть, в органах. Судью нужного найдем. Сделаем тебя папашей выходного дня, и то под присмотром соцработницы.

Меня просто прет от ярости. Вот же тварь!

— Ты что, совсем охренела?! — рычу в трубку. — Попробуй только тронуть мою дочь! Я тебя...

Она что-то еще скулит, но я уже не слушаю. Вешаю трубку.

Мысли возвращаются к бывшей. Как она смеет угрожать? Ульянкой? Моей кровиночкой? Да я ее сам... А вообще, все бабы — дуры. Одни проблемы от них.

Одна от меня морозится, другая — альфонс в юбке, которая только и знает, что кланчить деньги.

Минут пять сижу, пытаюсь остыть. Надо перезвонить ей, решать этот вопрос, поставить гадину на место.

Листаю недавние контакты, жму на кнопку, и, видимо, происходит какая-то путаница. Потому что вместо противного голоса матери Ульяны я слышу тихие, прерывистые всхлипы.

— Алло? — говорю я, еще не отошедший от своей злости.

Всхлипывания обрываются, слышен испуганный вздох.

— Роман Олегович? Это вы?

Черт. Майя. И она плачет. Видимо, я случайно позвонил ей. И очень кстати, судя по всему! Вся моя злость куда-то сразу уходит, сменяясь настороженностью.

— Что случилось? В чем дело? — спрашиваю резко, почти по-командирски.

— Я... я попала в аварию, — голос у нее дрожит, слова путаются. — Небольшая... Я не виновата...

## Глава 9

Роман

— Сиди и не двигайся. Никуда не звони. Я буду через десять минут.

Вешаю трубку, собираюсь мгновенно, объясняю дочке, что срочное дело. Про учительницу, естественно, молчу. Няня чуть губы поджимает, и вот ей как раз объясняю, к кому и зачем еду. Она вопросительно поднимает бровь, головой качает.

— Ох, Роман Олегович, осторожнее бы вы с этой девочкой.

— Да я ж помочь еду!

— Помочь! Знаю я вашу породу, мужскую!

— Я правда помочь, без задней мысли!

— Конечно, без задней! Так я и поверила! Ладно, помните только...

— Что?

— На таких девочках женятся. Вот что. Ясно?

— Женятся? Хм... Может, не ехать никуда?

Усмехаюсь, подмигиваю няне и выскакиваю из дома.

Сажусь в машину, выруливаю на дорогу и сразу вдавливаю педаль в пол. Эта хрупкая пчелка одна посреди дороги с разбитой машиной, какими-то ментами и наглым мужиком, который врезался в нее... Нет, так не пойдет.

Подъезжаю, вижу картину: ее маленькая иномарка вжата в бок большого старого внедорожника какого-то козла.

Дверь водителя открыта, она сидит на обочине, вся белая как мел, в руках трясется телефон. Какой-то тип в дорогом костюме уже размахивает руками рядом, тычет пальцем в ее сторону, что-то кричит про «сама виновата».

Мой взгляд из-за стекла заставляет его на секунду замолчать.

Торможу прямо посреди проезда, выхожу. Подхожу, сначала к ней.

— Цела? — смотрю пристально. Кивает, губы дрожат. — Хорошо.

Только потом поворачиваюсь к тому мужику. Оцениваю его машину. Да, помята дверь. Ерунда.

— Ты вообще глазами на дорогу смотришь или на девушек из окошка пялишься? — бросаю ему спокойно, но так, чтобы понял — вопрос не для дискуссии. Обращение на “ты” в таких ситуациях очень помогает.

Он раздувается, как индюк:

— Это она меня подрезала! Я не виноват! Свидетели есть!

— Я тебя услышал, — отрезаю я. Вижу, к нам уже идет гаишник, молодой пацан. Улыбаюсь ему, делаю знак отойти в сторону, достаю бумажник не спеша.

— Здравия желаю, — киваю ему. — Тут небольшое недоразумение вышло. Девушку подрезали, она не виновата. Думаю, мы можем решить всё по-хорошему, без протоколов? Ущерб владельцу второй машины я возьмущу. Он уже согласен.

Смотрю на того мужика так, что он сразу замолкает и отводит глаза.

Гаишник смотрит на меня, на мою машину, на мой бумажник. Понимающе кивает.

— Документы ваши.

Отдаю ему свои права и пятихатку, аккуратно сложенную внутри. Он так же аккуратно забирает.

— Подождите в машине. Разберемся.

Я киваю Майе, предлагаю ей сесть в мое авто. Она покорно выполняет.

Молодец девочка. Отчего-то в паху становится тяжело и жарко.

Блин... сразу вспоминаю слова няни дочери — “на таких женятся”, да чтоб тебя!

Женитьба в мои планы не входит от слова совсем.

Плавали, знаем.

Подхожу к мужику. Киваю на мятую бочину старой тачки.

— Даю десятку, сам всё сделаешь. Об аварии забудь.

— Пятнашка, слышь, за десять я ни хрена не сделаю сейчас, цены.

— Окей, пятнашка, — отдаю бабло. Он кивает.

Через пять минут возвращается сотрудник ГИБДД, отдает мне мои права, права Майи.

— Всё в порядке, можете ехать.

Подходит к нашему оппоненту, что-то ему говорит, тот садится в машину и уезжает.

— Будьте аккуратнее, и девушка ваша тоже, — кивает мне гаишник и уходит.

Моя девушка? Хм...

Подхожу к Майе, которая сидит на пассажирском месте в моем авто и очень круто там смотрится. И смотрит на всё это дело, которое я разрулил, с открытым ртом, не двигаясь.

— Как вы...?

— Сказал же, не переживай. По рукам всё. — Достая телефон. — Эдик, слушай сюда. Адрес тебе кину. Сейчас отправь кого-нибудь ко мне. Машинку битую заберешь, нет, не мою, слава богу, отполируешь всё, что надо, замену сделаешь. Завтра чтобы была как новая. Да, именно завтра.

Вешаю трубку, смотрю на Майю. Она всё еще трясется, но уже не плачет.

— Подождем, сейчас твою ласточку на сервис отправим, и я тебя отвезу.

Она молча кивает. Сажусь в машину, включаю радио. Молчим.

Мне звонят по работе, глаза закатываю, но ответить надо. Пока объясняю партнеру, в чем он не прав, подъезжают парни с сервиса.

— Ключи от машины дай, пожалуйста, — говорю Майе. — И документы. Права только себе оставь.

— Да, вот... тут всё.

— Отлично.

Выхожу, всё объясняю, ремонтники уезжают на машине Майи через пару минут, и я снова сажусь к ней.

Едем молча минут пять. Она постепенно приходит в себя.

— Спасибо вам, — тихо говорит. — Я не знаю, как вас отблагодарить.

— Да брось. Пустяки. — Смотрю на нее искоса. Вид, конечно, уставший, но милый. — Вот что. Ты сейчас вся на нервах. Домой тебе одной — только трястись. Пошли поужинаем. В приличное место. Успокоишься, поешь. Я голодный как волк, а ты, наверное, тоже.

Она замирает.

— В ресторан? Нет, что вы... Я не могу... Это не...

— Майя, — говорю твердо, но без давления. — Это не предложение. Это медицинская рекомендация. После стресса нужно поесть. И выпить бокал вина. А то ты в обморок упадешь.

Смотрю на нее. Вся напряжена, как струна. Черт, ресторан — перебор. Тут я облажался. Надо сменить тактику.

— Хорошо, — соглашаюсь легко, поворачивая руль. — Не ресторан. Адрес точный говори. Дом — он и есть дом. Лучшее лекарство.

Она молча кивает, с облегчением выдавливая название улицы и номер дома, которые я и так уже знаю.

Подъезжаем к обычной панельной девятиэтажке. Останавливаюсь у подъезда.

— Спасибо еще раз, — говорит она, уже готовая сбежать из машины. — За всё.

— Постой, — останавливаю ее. — Ты точно в порядке? Подняться сможешь? Может, проводить?

— Нет-нет, я сама.

Вижу, как она всё еще чуть дрожит. Решение созревает мгновенно.

— Ну нет уж. Сама! Провожу. И всё. Без вариантов.

Выхожу, помогаю ей. Она копается в сумке, ищет ключи. Руки всё еще не слушаются.

Открывает наконец, я захожу за ней, сам нажимаю кнопку лифта. Усмехаюсь внутренне, видя, как она забавно краснеет.

— Вам... вам может, чаю? — вдруг вырывается у нее, будто сама не поняла, что сказала.

— Вы сказали, что голодны и... Я просто... за помощь. Я должна.

Смотрю на ее растерянное лицо, на испуганные глаза. Черт, она красивая.

И снова в голове — “на таких женятся”, да блин!

— Чаю? — делаю вид, что раздумываю. — Ну, если настаиваешь. Только черного. И покрепче.

Поднимаемся на лифте.

В ее маленькой, но уютной квартире пахнет чем-то сладким и ее духами. Она суетится, ставит чайник, пытается прибрать разбросанные по дивану журналы. Начинает что-то метать из холодильника на стол.

Стою у окна, смотрю на спальный район. Молчание становится тягучим, нервным.

— Майя, — говорю тихо, не оборачиваясь.

— Да?

Слышу, как она замирает.

— Ты мне нравишься. Сильно.

За спиной раздается глухой стук — она, кажется, уронила ложку.

— Роман Олегович... пожалуйста... не надо этого. Так нельзя.

Поворачиваюсь к ней. Она стоит посреди кухни, прижимая руки к груди, будто защищаясь.

— Почему нельзя? — делаю шаг вперед. — Кто запретил? Где написано, что нельзя?

— Это... непрофессионально! — выдыхает она. — Меня уволят! Мгновенно! У нас в школе такие вещи...

— Никто не узнает, — перебиваю я, делая еще шаг. Мы уже совсем близко. — Я не собираюсь этим хвастать. Это только наше дело. Только мое. И твое.

Она отступает, упирается спиной в холодильник. Смотрит на меня широко раскрытыми глазами. В них уже не только испуг. Еще и любопытство. И притяжение.

— Нет... — шепчет она беззвучно.

Я медленно поднимаю руку, касаюсь ее щеки. Кожа горячая.

— Скажи, что ты тоже меня хочешь. Скажи, что вся эта игра в правила тебя уже замучила...

Она не отталкивает мою руку. Только закрывает глаза. Ее дыхание сбивается.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.